

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ СУПРУГОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ  
БРАКЕ: МОДЕЛИ И ФАКТОРЫ-ДЕТЕРМИНАНТЫ**

**Бурханова Флюра Булатовна**

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник,  
Институт социологии Федерального научно-исследовательского  
социологического центра РАН, Москва, Россия

**Садретдинова Эвеллина Винеровна**

кандидат социологических наук, доцент,  
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия

**ETHNO-CULTURAL ADAPTATION OF SPOUSES IN AN INTERETHNIC  
MARRIAGE: MODELS AND DETERMINANTS**

**Burkhanova Flura Bulatovna**

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology  
of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia

**Sadretdinova Evellina Vinerovna**

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Ufa University of Science  
and Technology, Ufa, Russia

***Аннотация.*** В статье на материалах исследования 2019-2020 г. на основе качественных глубинных интервью, проведенных в Башкортостане, выявляются модели этнокультурной адаптации супругов, состоящих в межэтническом браке. Показано, что наибольшее распространение получила модель частичной интеграции, принятия отдельных образцов, ценностей со стороны одного или обоих супругов в отношении культуры брачного партнера, обнаружена так же и модель отказа от акцентуации межэтнических различий в семейной жизни на основе применения некой универсальной нормативно-ценностной системы. Охарактеризованы основные этапы применения адаптивных практик: выбор брачного партнера; выстраивание примарных, семейных коммуникаций; принятие/отторжение социокультурных различий. Показаны факторы, детерминирующие адаптацию на микроуровне: уровень этнокультурной дистанции между супругами, ближайшее национально-культурное и языковое окружение, нуклеарный состав семьи. Сделан вывод, что успешность адаптации и социокультурной интеграции в межнациональной семье в значительной мере

обеспечивается ослаблением и размыванием национальных и религиозных традиций. Это характерно, прежде всего, для межнациональных пар в возрасте 40 лет и старше, со значительной продолжительностью совместной жизни, первичная социализация которых осуществлялась в советском обществе с доминированием принципов интернационализма, секуляризации и отказа от этнических традиций в качестве регуляторов социального поведения. Однако можно говорить и о формировании другого типа межнациональной семьи, в которой велика значимость религиозной идентичности и веры супругов, в силу чего основой этнокультурной адаптации становится общая религия.

**Ключевые слова:** межэтнический брак; межнациональная семья; этнокультурная адаптация; этнокультурная дистанция; социокультурная интеграция.

**Summary.** In the article, based on the materials of the 2019-2020 study, based on qualitative in-depth interviews conducted in Bashkortostan, models of ethno-cultural adaptation of spouses in an interethnic marriage are identified. It is shown that the model of partial integration, acceptance of individual patterns, values on the part of one or both spouses in relation to the culture of the marriage partner has become the most widespread, and a model of rejection of the accentuation of interethnic differences in family life based on the application of a universal normative value system has also been found. The main stages of applying adaptive practices are described: choosing a marriage partner; building primary and family communications; accepting/rejecting sociocultural differences. Factors that determine adaptation at the micro level are shown: the level of ethno-cultural distance between spouses, the nearest national-cultural and linguistic environment, and the composition of the family. It is concluded that the success of adaptation and socio-cultural integration in an interethnic family is largely ensured by the weakening and erosion of national and religious traditions. This is especially true for interethnic couples aged 40 years and older, with a significant length of life together, whose primary socialization was carried out in Soviet society with the dominance of the principles of internationalism, secularization and rejection of ethnic traditions as regulators of social behavior. However, we can also talk about the formation of another type of interethnic family, in which the importance of the religious identity and faith of the spouses is great, which is why the common religion becomes the basis of ethno-cultural adaptation.

**Key words:** interethnic marriage; interethnic family; ethno-cultural adaptation; ethno-cultural distance; socio-cultural integration

**Введение.** Интерес к проблематике межэтнических браков и межнациональных семей обусловлен рядом факторов, среди которых – исторически сложившийся многонациональный состав населения России и ее регионов. В советский период межэтническая брачность рассматривалась как инструмент сближения между народами страны. Практики формирования государственно-гражданской идентичности, принципы интернационализма в

вопросах социализации детей обуславливали распространение универсальных нормативно-ценностных оснований и моделей поведения, не «привязанных» к этническим особенностям людей. Политика секуляризации привела к ослаблению религиозных обычаев, которые служили, в том числе, основанием этнической дифференциации. Масштабность процессов индустриализации и урбанизации также детерминировала все большее этническое многообразие населения регионов страны.

В современный период к ранее существовавшим объективным предпосылкам для межэтнической брачности добавились новые, действие которых усиливается. Сегодня это не только исторически сложившийся многонациональный состав населения, но и нарастание темпов и многовекторность миграционных процессов (внутри страны и между странами); рост объемов трудовой и образовательной мобильности населения, включая выезды в дальнее и ближнее зарубежье; развитие туризма; распространение интернет-технологий как средства коммуникации и инструмента поиска брачного партнера. Благодаря всему этому, становится возможным знакомство, общение и вступление в брак людей, характеризующихся не только высоким уровнем территориальной и социальной, но и этнокультурной дистанции.

Современная российская межэтническая семья формируется и существует в обществе, где протекают разнонаправленные, противоречивые процессы, создающие для нее особый социокультурный контекст. С одной стороны, продолжается размывание и ослабление традиционных этнических культур, формируется глобальная, во многом унифицированная культура. С другой, растет роль этнического и религиозного факторов в общественной и повседневной жизни. Для многих людей актуализировалась этническая и религиозная принадлежность, усиливается значимость этнокультурных маркеров и межкультурных различий в повседневных коммуникациях. Перестали быть единичными, исключительными проявления неприятия иной культуры, религиозного и национального экстремизма, конфликты на национальной и религиозной почве.

Указанные процессы делают современную межэтническую семью актуальным научным объектом, а такую ее сторону, как этнокультурная адаптация супругов – актуальным предметом изучения.

Проблематика межэтнического брака и семьи широко представлена в современной научной литературе, где с позиций социологических, психологических, культурологических [1] и исторических подходов [2; 3] раскрываются различные аспекты таких семей, развивается понятийный аппарат. Наряду с давно использующимися терминами, которые не всегда трактуются как синонимы («межнациональный брак/семья», «межэтнический брак/семья», «смешанный брак/семья», «этнически (национально) смешанный брак/семья»), предлагаются другие термины: «интернациональный» [4], «кросскультурный» [5], «биэтнический/ бинациональный» брак/семья. «Интернациональная семья»

с позиции концепции фронта является «своеобразной микромоделью фронтального пространства, некой «приграничной зоной» между двумя странами, народами, культурами и/или религиями» [4. С. 92]. Семейные союзы, возникающие на перекрестке разных этнических культур и формирующие некую самостоятельную культуру, могут определяться и как случай «кросскультурных» [5. С. 54-58] или, что более точно, «кроссэтнокультурных» семей/браков.

Для обозначения браков между этносами, которые длительно проживают на общей территории, и тех, кто не имеет исторически сложившихся тесных контактов, в российской практике используются термины «гомогенный» и «сопредельный» брак [6, С. 16, 121, 123.]

Несмотря на наличие большого числа публикаций о межэтнических семьях, этнокультурная адаптация супругов остается наименее освещенной темой по сравнению с другими.

Исследователями отмечается, что каждая этническая культура имеет свои смыслы, и при взаимодействии культур на микроуровне восприятие культуры супруга происходит через процессы адаптации и интеграции [7. С. 20]. В межнациональном браке адаптация сопровождается сложностями, возникают культурные риски, которые связаны с возможностью частичной или полной потери одним из супругов этнической культуры [8. С. 155-156; 9. С. 93-94].

Межэтнические когнитивные стратегии супругов, толерантное отношение и этнорелятивистское восприятие этнических различий выступают социально-психологическими условиями повышения прочности брака [10. С. 9]. В межэтнических браках «стремление к интеграции традиций и обычаев этнических культур обоих супругов» способствуют снижению неудовлетворенности супружескими взаимоотношениями. На удовлетворенность браком в таких союзах влияют: этническая и религиозная толерантность супругов, опыт участия в межэтнических контактах, восприятие близости личностных характеристик представителей этноса супруга, близкая социальная дистанция с этнической группой брачного партнера [11. С. 8].

Авторы подчеркивают, что супруги из межнациональных браков сталкиваются с проблемами этнокультурного характера, которые могут проявляться на протяжении всей совместной жизни: различие ценностей и поведенческих образцов, преодоление национальных стереотипов. Отмеченные проблемы могут усиливаться социально-экономическими и социально-психологическими трудностями, с которыми сталкиваются в совместной жизни любые семьи [12. С. 54]. Из-за сложностей и рисков этнокультурной адаптации межэтнический брак иногда воспринимается общественным мнением как менее стабильный по сравнению с моноэтническим [13. С. 54-55].

Зарубежные исследователи на материалах США отмечают, что межэтнические пары, в отличие от моноэтнических, имеют дополнительные источники трудностей адаптации и сохранения, которые включают в себя макро- и микрокультурные факторы, существующие в семье и обществе. В числе них

называется внешнее негативное давление на межэтнические пары, которые часто не поддерживаются или стигматизируются окружением, семьей и друзьями, обычно служащими для этнически гомогамных браков в качестве сети поддержки. Указывается на внутренние и внешние стрессоры, влияющие на межэтнические пары которые снижают уровень качества отношений и повышают риск развода. Различия в ценностях и ожиданиях, которые более вероятны между людьми из двух разных культурных слоев, оказываются такими важными внутренними стрессорами [14].

Установлено, что степень, с которой пары разрешили расовые/этнические различия, предсказывает, насколько вероятно, что они будут иметь более высокий уровень удовлетворенности браком. Этот вывод согласуется с идеей «реляционной культуры», которая представляет собой общую культуру, сформированную между двумя людьми в тесных отношениях. Для индивидов из межэтнических союзов, удовлетворенность может быть достигнута благодаря возможности узнать о системах ценностей друг друга, а также путем формирования такой культуры отношений, которая позволяет им принимать друг друга, примиряться и предотвращать конфликты [15].

В исследовании, проведенном в Индонезии, выделены три важные составляющие для сохранения межнационального союза — знание языка партнера, навыки взаимодействия и понимание культуры. Если эти три условия не соблюдаются, то с течением времени они могут стать источником разногласий, которые в конечном итоге приводят к разводу [16].

**Методы, цель, задачи.** В статье представлен анализ проведенных в 2019-2020 годах на территории Башкортостана глубинных интервью с супругами, состоящими в межэтническом браке. Интервью являлись частью более широкого исследования под названием «Ценности и практики этнической социализации в разных типах межнациональных семей в условиях модернизации и полиэтничности российского общества», которое реализовывалось на базе Института социологии ФНИСЦ РАН. В анализ включены интервью с 25 супругами (7 мужей и 18 жен). Помимо одного из супругов, в каждой семье интервьюировался один из детей в возрасте 16-23 лет<sup>1</sup>. Основные критерии отбора семьи: этническая идентичность супругов (относят себя к разным этносам); наличие ребенка/детей указанного возраста; тип населенного пункта, где проживает семья (столичный город, малый/средний город, сельское поселение). В г. Уфе опрошены 10 супругов, в г. Баймаке и г. Мелеузе – 7, в сельских населенных пунктах (Чишмы, Миловка, Киргиз-Мияки, Савалеево, Улукулево, Карламан) – 8. Возраст респондентов: 31-36 лет – 6 человек, 40-45 лет – 9, 46-50 лет – 7, старше 50 лет – 3.

Респонденты состоят в межэтнических браках: русские-башкиры – 7 человек, русские-татары – 9, башкиры-татары – 4, белорусы-татары – 1, чуваш-

---

<sup>1</sup> Всего получено интервью от 23 детей из 23 семей. В задачи статьи не входит анализ этих интервью, но некоторые высказывания из них приводятся далее.

русские – 1, башкиры-узбеки – 1, русские-казахи – 1, чеченцы-башкиры – 1. Из перечисленных 22 супружеские пары можно отнести к условно называемым «традиционным», они состоят из представителей этносов, издавна проживающих на территории республики, имеющих компактное расселение. И 3 супружеские пары – так называемые «нетрадиционные», один из супругов относится к этносам, которые не имеют исторически длительного проживания на территории республики. Семья определялась как межэтническая и включалась исследование на основе самоэтноидентификации респондента и вопроса о том, к какой национальности относит себя его/ее супруг (жена/муж). Основной тип самоидентификации – по родителям. Но встречались случаи, когда респонденты не относили себя или своего супруга к этносам родителей, то есть демонстрировали «самоидентификацию, противоречащую происхождению» [17. С.101-102]. Так, мужчина, 46 лет, назвавший себя русским, имеет отца-татарина и мать татарку; женщина, 42 года, сказала про своего мужа, что «он по паспорту - башкир, а так... он больше татарин», а его родители, оба – башкиры<sup>2</sup>.

Башкортостан как площадка для исследований межнационального брака характеризуется тем, что на его территории проживают представители 160 национальностей. При этом этническую основу населения составляют русские (36,0%), башкиры (29,5%) и татары (25,4%). Согласно ВПН-2010, доля домохозяйств из лиц разных национальностей, рассчитанная от числа домохозяйств, указавших национальности членов, составляет 28,3%<sup>3</sup>, данные по супружеским парам отсутствуют. В России состоят из лиц разных национальностей 11,7% домохозяйств,<sup>4</sup> и находятся в межэтническом браке 12% супружеских пар (по расчетам Е. Сороко) [18. С. 110].

Одной из задач исследования являлось описание существующих практик этнокультурной адаптации супругов, выявление, способствующих/препятствующих ей факторов. Под этнокультурной адаптацией понимается процесс приспособления к культуре супруга, к его языку, религии, национальным традициям и обычаям, осуществляемый на основе ценностно-ориентационных установок индивида, его индивидуальных знаний и опыта, подвергающийся воздействию различных факторов микро и макросреды. Адаптация супругов во многом обусловлена тем, в каком объеме каждый из супругов включает и принимает культуру, отличающуюся от его собственной. Существуют четыре базовые теоретические модели адаптации: 1) насаждение

---

<sup>2</sup> Наиболее распространенный для России вариант самоидентификации, противоречащей происхождению, когда не имеющие русских корней, называют себя русскими. В рассматриваемом проекте нами были зафиксированы случаи такой идентификации у детей – выходцев из межнациональных семей, когда они относили себя к русским, не смотря на то, что ни отец, ни мать не были русскими.

<sup>3</sup> Итоги ВПН. Таблица 6. Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по национальной однородности и размеру домохозяйств, по субъектам РФ // [https://rosstat.gov.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/perepis\\_itogi1612.htm](https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm).

<sup>4</sup> Там же.

собственной культуры и игнорирование традиций супруга; 2) отказ от своей культуры, полное включение в культуру супруга/супруги; 3) частичная интеграция, принятие отдельных культурных образцов (ценностей, традиций и обычаев) супруга; 4) отказ в совместной жизни от акцентуации межэтнических различий и выработка универсальной нормативно-ценностной системы. В ходе анализа данных выявлялось наличие/отсутствие перечисленных моделей и их особенностей у опрошенных супругов.

**Результаты, их обсуждение.** Как показали интервью, процессы адаптации супругов в межэтническом браке «запускаются» еще на этапе *выбора брачного партнера*. Практически все респонденты отмечали самостоятельность усилий в поиске партнера и принятии решения о заключении брака. К числу наиболее распространенных способов знакомства с будущим супругом можно отнести совместное обучение; встречи в компании друзей; встречи в местах отдыха; соседство и общие увлечения.

Продолжительность периода ухаживаний (с момента знакомства до регистрации брака или начала совместной жизни) более чем у половины опрошенных составила от года до 2,5 лет. Исключения составили семьи, где у одного из будущих супругов заключаемый брак был не первым (в сторону уменьшения продолжительности периода ухаживаний и наличия практики сожительства до официальной регистрации брака): *«Мы сразу жить начали. У меня первый брак за плечами был. Не стали ничего тянуть. Начали жить вместе, но до официального брака где-то полтора или два года прожили»* (ж., татарка, 40 л., муж русский); *«К сожалению, первая жена у меня умерла. Шесть лет не женился. Приехал на новогоднюю вечеринку, там ребята сидели и она была. Я думаю, провожу ее, мало ли – новогодняя ночь. Предложил сигарету, она отказалась, сказала, что я не курю. Я говорю: «Вот не пьешь, не куришь, хорошей женой будешь» и пошутил, говорю: «Выходи за меня замуж». Она сказала: «Я согласна». И все, я увел ее к себе домой»* (м., русский, 47 л., жена башкирка).

Длительный период добрачного знакомства (или добрачного сожительства) способствует развенчанию стереотипизированных представлений о представителях иной этнической и религиозной группы. Даже при наличии неких негативных убеждений будущий супруг(а) оценивается, прежде всего, по совокупности индивидуально-личностных качеств (добрый, надежный, хозяйственная и т.д.): *«Мы через 7 лет так до этого... Видимо, притирались друг к другу, смотрели друг на друга, стоит ли, а может – не стоит»* (м., русский, 59 л., жена татарка). На уточняющий вопрос, имела ли значение национальная принадлежность супруги при заключении брака, было сказано: *«Когда знакомился... По молодости что-то, может, еще и играло. Не могу сказать, что сильно что-то протестующее, но как-то все-таки... А когда женился, это уже для меня было безразлично»* (м., русский, 59 л., жена татарка).

Иногда, при тесном общении с семьей будущего супруга, подобного рода негативные стереотипы снимаются и у членов семьи: *«Мои родители отнеслись очень хорошо, потому что мужа знали с детства, потому что в одном классе учились. Это при том, что... изначально мой папа всегда говорил, что только за русского (следует выходить замуж)»* (ж., русская, 47 л., муж башкир).

Однако не всегда родители лояльно воспринимают брачный выбор своих детей с человеком другой национальности и вероисповедания. Респонденты демонстрировали готовность отстаивать результаты собственного выбора: *«Родители, пока я девчонкой ходила, еще не замужней... Она (мама) хотела все-таки, она убеждала меня в том, что, если своей национальности, это одна вера и все такое. Но я сказала, буду с тем человеком, с кем мне хорошо»* (ж., татарка, 40 л., муж русский); *«Со стороны жены никто не был против (брака). Такого, чтобы «Ура! Ура!» тоже не было, нормально отнеслись. С моей стороны ...ругали. Отец у меня ...старой закалки, (говорил) только на своей нации должен (человек жениться)»* (м., чеченец, 36 л., жена башкирка).

Иногда респонденты, пытаясь сгладить негативное к себе отношение со стороны родных супруга, выстраивали благожелательные отношения в практике повседневных, бытовых коммуникаций: *«В основном, мать (мужа) в штыки восприняла, что русская. Пока не появилась вторая сноха-башкирка. ...Я всегда помогала, приходила, и ухаживала, и старалась, чтобы дети всегда общались, а та - наоборот. Поэтому, наверное, в сравнении... (со временем отношение матери мужа изменилось)»* (ж., русская, 49 л., муж башкир).

Люди, состоящие в межэтническом браке, должны демонстрировать высокий уровень толерантности к иным культурам и их носителям. Вербальное поведение респондентов, на первый взгляд, это подтверждает: *«Я воспитана так, что для меня национальность не имеет сильного влияния. В любой национальности есть хороший, есть плохой. Если люди друг к другу хорошо относятся, друг друга понимают, они прекрасно будут жить. Вот родители его (мужа) ко мне относились плохо, например, а я смотрела на то, как он ко мне относится. Он всегда хорошо ко мне относился, с любовью, с пониманием»* (ж., русская, 49 л., муж башкир).

Мы попытались определить, влияние каких факторов сказывается на формировании у индивида определенного отношения к иным культурам, этносам. Многие респонденты, детство и юность которых пришлось на советский период с практиками интернационального воспитания, отмечали, что в процессе взаимодействия с людьми следует ориентироваться на некие морально-универсальные нормы и ценности, оценивая поступки другого не в категориях «люди нашей нации так себя ведут/не ведут», а согласно правилу «не делай другому того, чего ты не хотел бы в отношении себя»: *«Я вырос в Советском Союзе, поэтому национальность роли не играла. ... Мы – советский народ»* (м., русский, 59 л., жена татарка).



В некоторых случаях респонденты обращались к сравнениям с младшими поколениями, фиксируя рост этнического и, особенно, религиозного самосознания современной молодежи, вплоть до этноакцентуации и участия в экстремистских организациях и практиках: *«Я вот смотрю сейчас, молодые мамы, с кем я общалась... Они, получается, уже 93-94 года рождения, как раз распался Советский Союз. ...Она, например, башкирка, она мусульманка, она в хиджабе ходит, а он сам русский по национальности. Но он принял мусульманство, и он, по-моему, даже где-то состоял, в какой-то (организации). Мне кажется, это очень опасный момент. Особенно у нас: здесь же очень много (проявлений экстремизма)»* (ж., русская, 49 л., муж башкир).

Еще важный фактор влияния, который «прозвучал» в интервью – *социальное окружение*: многонациональный состав населения местности, где проживал(ет) респондент: *«Я выросла в Казахстане. Там особо не задавались этим вопросом (о национальных и религиозных различиях). Там все нации равны были. Мы как-то легче росли»* (ж., русская, 42 г., муж башкир).

Существенное влияние оказывают *примарные* коммуникации в среде ближайшего окружения (родственные, семейные связи). Национально-смешанный состав родительской семьи респондентов был зафиксирован в в двух третьих обследуемых семей. То есть люди, воспитанные в межэтнической семье, чаще демонстрируют этнорелятивные установки в общении с представителями иных этногрупп.

Воздействие на формирование отношения к этническим культурам оказывают и процессы *нуклеаризации* структуры семьи. Именно представители старшего поколения остаются носителями традиционной культуры: языка, бытовых моделей поведения, религиозной обрядности и т.д. Большинство из обследуемых семей включают в себя родителей и подрастающих детей. При этом влияние родственников старшего поколения (бабушек и дедушек) становится менее заметным, а иногда и вовсе формальным: *«Да, уходят (национальные традиции) и сейчас уже нет такого общения со своими предками. Раньше все жили рядом, бабушки-дедушки, прабабушки что-то рассказывали, а сейчас дети живут сами по себе, далеко друг от друга, может быть поэтому...»* (ж., русская, 40 л., муж татарин).

Результатом ослабления межпоколенных связей становятся номинализм обычаев и традиций, процессы ассимиляции, в особенности в сфере языка, амбивалентность процессов идентификации молодежи и внедрение универсальных моделей поведения: преимущественное использование языка межнационального общения; отказ от элементов традиционного образа жизни и т.д. Иногда стремительность названных процессов можно проследить даже на примере младшего поколения (детей) одной семьи. Одна из опрошенных сообщила, что в первые годы после заключения брака молодожены проживали с родителями мужа. Когда родился сын, родители супруга и его бабушка принимали большое участие в воспитании ребенка. Впоследствии молодая семья

отделилась, бабушка мужа умерла и воспитанием младших дочерей преимущественно занимались сами родители: *«У меня средняя дочь раньше вообще думала, что она русская. У нас (в семье) общение больше на русском языке. Старший (сын) знает еще как-то по-татарски. В детстве и с бабушкой, и с родителями мужа на татарском (говорить) начинали. А дочки нет, только на русском»* (ж., башкирка, 44 г., муж татарин). Показательно, что речь идет о семье, где жена – башкирка, а муж – татарин; оба супруга владеют языком происхождения, а жена в процессе семейной жизни стала понимать татарский язык.

Мы обратились к анализу национальной принадлежности супругов, который показал, что в двух из каждых трех обследуемых семей супруги являлись представителями крупнейших по численности этносов Башкортостана (русские, башкиры, татары). Две семьи основаны на браке представителей крупнейших по численности этносов республики с представителями народов, традиционно проживающих в регионе (белоруска и татарин; чувашка и русский). Четыре брака заключены между представителями крупнейших по численности этносов Башкортостана и «нетипичными другими» (чеченец и башкирка; башкирка и узбек; русская и казах; башкирка и азербайджанец). При этом привлекает внимание ряд особенностей.

Чаще встречаются браки, в которых жена – русская (в т.ч. позиционирующая себя как православная), а муж – представитель иного этноса, исповедующего ислам. В этом случае могут оказывать воздействие нормы ислама, позволяющие мужчине-мусульманину вступать в брак с «женщиной Писания» (христианкой), тогда как обратная ситуация не приемлема с религиозной точки зрения. Подтверждает наши рассуждения тот факт, что в каждой второй из всех обследуемых семей была проведена религиозная процедура заключения брака по мусульманским традициям (никах): *«Никах был у нас. ...Крестить же не будешь взрослого человека, и живем в мусульманской стране»* (ж., русская, 42 г., муж башкир).

Особый интерес для исследования представлял анализ браков с участием этносов, не входящих в число традиционно проживающих на территории Башкортостана. В таких браках уровень социальной дистанции (различий ценностей, моделей бытового поведения) между супругами весьма высок, что является фактором социальной напряженности. Подтверждая этот факт, одна из опрошенных рассказала, что ее предыдущий брак с «нетипичным другим» распался: *«У меня был азербайджанец – отец второго сына. ...Приехал отец (мужа), у них, получается, последний сын должен находиться возле отца. А он (муж) как раз последний сын был, у нас тоже брак зарегистрированный был. Ребенок родился в браке, ребенка видели, отец на руках держал, приезжал. Ну, увезу (мужа) на три недельки, ну увезли, и силком, как говорится, женили, на (женщине) своей уже национальности. Вот я не знаю, все у них как-то просто так. ...И созванивались и писали, и отцу как-то пытались (объяснить). Нет, я*

*не пушу (слова отца), он должен быть с нами рядом, он будет жениться на своей – именно на азербайджанке» (ж., башкирка, 41 г., муж узбек).*

Анализ браков с участием «нетипичных других» показал следующее. В двух семьях супруги сами являются выходцами из межнациональных семей, которым в свое время приходилось решать проблемы адаптации к межкультурным различиям. Так, в семье, где муж – казах, выяснилось, что *«он казахский знал в детстве, когда у него была жива бабушка-казашка. Но его мама не приветствовала взаимоотношения с бабушкой, со свекровью. И когда дети пошли в школу, они уже практически не общались с бабушкой-казашкой и забыли язык» (ж., русская, 47 л., муж казах).*

Еще один пример – семья, где муж-чеченец, в возрасте 7 лет после развода родителей переехал с отцом в Башкортостан. Далее мальчик воспитывался во второй семье отца с женой-башкиркой, проводя время преимущественно с мачехой. Интересно, что в настоящее время отношения респондента с отцом носят формально-вежливый характер: *«С ним мы в основном по телефону общаемся, редко когда видимся. Он в Уфе живет, по работе поеду когда, только вот тогда и видимся» (м., чеченец, 36 л., жена башкирка).* Дети респондента с дедом фактически не общаются. С другой стороны, с бывшей мачехой до сих пор, несмотря на официальное расторжение брака и отъезд мачехи в другой город, у респондента сохраняются теплые, дружеские отношения: *«Я здесь рос, с мачехой, он (отец) приедет на несколько дней, а потом месяц нет, потом опять приедет, и вот так постоянно. Больше у меня как-то общение с мачехой было. Она (мачеха) сейчас во Владикавказе. У нас с ней общение нормальное. Сколько созваниваемся, как минимум, полчаса точно, а так обычно часа 3 разговариваем» (м., чеченец, 36 л., жена башкирка).*

Возникает вопрос, насколько в сознании и поведении человека укоренены традиции нации, к которой он себя относит, или самоопределение носит, в большей мере, номинальный характер. Так, названный респондент-чеченец отмечает, что его поведение не всегда согласуется с нормами бытового поведения чеченцев: *«Допустим, сумки таскать нельзя мужчинам нашим (чеченцам). Но если тяжелый пакет, там с картошкой, то само собой я его потащу. Я ее (жену) вперед пропускаю, когда в помещение заходим, здесь тоже не так, как принято у нас: сначала мужчина должен пройти, а потом женщина» (м., чеченец, 36 л., жена башкирка).*

Подобные практики можно расценивать как проявление гибкости поведения, когда человек готов отказаться от соблюдения неких элементов обрядности во имя комфорта и благополучия членов своей семьи. Например, в одной из семей отец-мусульманин, настаивавший ранее на соблюдении мусульманских религиозных обрядов, в ситуации тяжелой болезни дочери принимает решение о крещении ребенка: *«Вначале муж был категорически против, и у нас с ним была договоренность, что дети вырастут и сами определятся, но потом так случилось, что у нас сильно дочка заболела и чуть*

*не умерла и, вот, в процессе этих переживаний он пошел мне навстречу и сказал: «Ты – мать, твой ребенок, делай, что хочешь, лишь бы все в порядке было» (ж., русская, 47 л., муж казах).*

Также родители признают, что в межнациональной семье сложно сохранять и особенно транслировать детям язык, обычаи: *«Они (дети) язык точно знать не будут и обычаи тоже знать не будут (особенно если сами вступят в межэтнический брак). Это тяжело, но смирюсь, наверное» (м., чеченец, 36 л., жена башкирка).*

Возвращаясь к анализу наиболее многочисленной группы межнациональных семей (с участием русских, башкир, татар), отметим, что в таких семьях, в силу длительности совместного проживания народов, отмечается лояльное, иногда даже комплиментарное отношение к моделям поведения друг друга. Рассказывая об истории создания своей семьи, большинство опрошенных свидетельствовали об отсутствии у них опасений в отношении брака с представителем иного этноса, вероисповедания и культуры.

В целях проверки предположения о комплиментарности традиционных этносов региона друг другу, респондентам было предложено оценить уровень допустимой социальной дистанции, когда речь пойдет о браке их детей. Первоначально многие респонденты не усматривали особых трудностей: *«Если дети приведут кого-то, то это их выбор. У меня такая точка зрения, что... каждый на своих ошибках должен учиться. Что-то, конечно, скажу, если увижу, что человек не такой уж в плане моральных ценностей. Предостережение дам, но все-таки, это их выбор» (ж., башкирка, 44 г., муж татарин).*

Некоторые респонденты отмечали, что по мере взросления детей стали более терпимо относиться к возможности заключения ими (детьми) межэтнического брака с партнером, существенно отличающимся от семьи самого респондента: *«Я сейчас много думала над этим, наши племянники выбирают себе девушек и племянницы. Наверное, я расту, думаю, что если любят, пусть будет другой национальности. Если моя Лилия или Рената скажут, то я, наверное, согласилась бы. Десять лет назад я так не думала. (Сейчас) самое главное, чтобы их любили, ценили, моих детей» (ж., башкирка, 47 л., муж татарин).* Возможно, это объясняется ориентацией многих современных семей в воспитании детей на принципы свободы и принятия выбора, когда решения самого ребенка вызывают уважение и стремление понять и принять со стороны родителей. В то же время ответы на уточняющие вопросы интервью выявили, что глубокая этнокультурная дистанция не лучшим образом сказывается на отношении респондентов к такому браку: *«Единственное, что оговарюсь, межнациональный брак тут, наверное, не имеются в виду латиноамериканские, индийские все эти вот... Я против, однозначно. Межнациональный брак приемлем только для тех национальностей, которые проживают на территории России» (ж., русская, 47 л., муж башкир); «Я*

*почему-то уверена в своем ребенке, что она не выберет плохого человека. Она не выберет кавказской национальности торгаша с рынка. Я думаю, буду знать круг ее общения, буду знать, что хороший человек» (ж., русская, 35 л., муж татарин).*

Лишь два респондента выразили готовность безоговорочно принять любой брачный выбор своих детей. При этом один из опрошиваемых в качестве аргумента сослался на свой богатый жизненный опыт межличностного общения с женщинами иных национальностей: *«Для меня никакой разницы нет. Я (сам) встречался и с вьетнамкой, у меня была и чувашка знакомая, и грузинка. Была еще знакомая молдаванка, я чуть не женился, но ее родственники были против» (м., русский, 47 л., жена башкирка).*

Таким образом, этнически многообразная коммуникативная среда рассматривается людьми в двух плоскостях: с одной стороны, существует *гомогенное* этнически многообразное коммуникативное пространство, в котором присутствует относительно неглубокая социальная дистанция между взаимодействующими этносами, что порождает факты принятия социокультурных различий и бытовых сценариев поведения друг друга (народы, традиционно проживающие в регионе). С другой стороны, существует *гетерогенное* этнически многообразное коммуникативное пространство, где уровень социальной дистанции высок, имеют место факты неприятия и ксенофобии.

Соответственно, возникает вопрос: насколько сильно проявляются в современном Башкортостане межкультурные различия? Исследование выявило, прежде всего, различия религиозные. При вступлении в брак значительное число опрошенных должны были решать вопрос: заключать или не заключать брак по религиозным канонам? Нормам какой религии следовать?

В каждой второй из всех обследуемых семей был проведен никах (по мусульманскому обряду), в том числе для людей разного вероисповедания. Обратной ситуации, когда относящиеся к разному вероисповеданию брачующиеся проводили религиозную церемонию по христианским (православным) канонам, выявлено не было.

Большинство прошедших процедуру никаха выражали добровольное согласие, ведущими мотивами которого послужили:

- ориентация на патрилинеальность семьи, когда жена принимает фамилию мужа, элементы обрядности его культуры по принципу «да последует жена за мужем своим, да прилепится к мужу своему»: *«Кто из супругов должен принять религию другого супруга? Считается, что женщина» (ж., русская, 42 г., муж башкир);*

- ориентация на уважение и соблюдение традиций: *«Мы просто пришли в мечеть (спустя 10 лет после регистрации брака в ЗАГСе), подошли к имаму, сказал «почему вы живете во грехе»? Даже ни по-христиански, ни по-мусульмански не зарегистрировали свой брак? И предложил никах. Сначала имя ей (жене)*

*почитали, никах нам почитали, естественно, подарок с моей стороны для моей супруги. Все» (м., башкир, 44 г., жена русская);*

- желание порадовать будущего супруга: *«Для меня это не имеет принципиальной важности. Просто хотелось, чтобы мужу было приятно» (ж., русская, 32 г., муж татарин);*

- стремление выстроить доброжелательные отношения со старшим поколением, поскольку на религиозной процедуре заключения брака зачастую настаивают не сами брачующиеся, а старшие родственники (родители, бабушки): *«Да, это была инициатива свекрови, она у нас живет в Узбекистане, там все родственники. Мы к ним приехали в гости, и они решили, что нужно провести (никах). И вот они организовали, в общем-то, со стороны мужа: это было для мамы и его родственников» (ж., русская, 40 л., муж татарин);*

- учет влияния религиозных традиций региона проживания: *«живем в мусульманской стране (республике)» (ж., русская, 42 г., муж башкир);*

- некоторые респонденты отмечали, что никах может рассматриваться как альтернатива процедуре гражданского брака, заключенного в органах ЗАГС, как средство легитимизации сожителства мужчины и женщины в глазах общественности: *«Никах сделаем и делай с ней (женщиной), что хочешь, как говорится. Тут разговора нет. Я не против, ради бога» (м., русский, 47 л., жена башкирка).* В подобных случаях, зачастую, имеет место временной лаг между датами проведения никаха и регистрацией брака в органах ЗАГС. То есть люди проводят никах и живут, рожая и воспитывая детей, пока не «созреют» до похода в ЗАГС.

На наш взгляд, имеет смысл обратить внимание на особенности проведения процедуры никаха. С точки зрения обывателя, мусульманский религиозный обряд гораздо проще в сравнении с венчанием, например. Не требуется соблюдать определенные предварительные процедуры: посещать храм, поститься, исповедоваться. Никах можно провести, что называется, сразу. Некоторые респонденты отмечали, что для них самих обряд никаха стал сюрпризом: *«В 1993 году мы приехали на 9-ое мая сюда. Нас пригласили, я думала, на знакомство, оказалось, на никах. Никах читали. ...Я даже не знала. Мы просто пришли знакомиться, они меня не видели вообще до этого. А вот здесь уже сразу никах» (ж., русская, 49 л., муж башкир).* К тому же обряд никах возможно проводить неоднократно. Так, одна из дочерей в межнациональной семье, рассуждая о никахе и венчании и вспоминая историю жизни своего дяди, отметила: *«Никах, он как-то проще, что ли, потому что... Там просто купил эти наряды и позвал муллу. А тут (на венчании) что-то... Я даже не знаю, почему я так думаю... Знаете почему: потому что венчание редко случается, а никах распространен, по крайней мере, на нашей территории. ...В никахе я вижу какую-то рациональную подоплеку, возможность того, что ты можешь с этим человеком называть себя муж и жена, но при этом вы еще на самом деле не расписаны. Из-за того, что венчание редко у нас происходит, все равно такое*

*ощущение, что это что-то более религиозное, более фанатичное. Я это понимаю, потому что один мой дядя прочитал никах с одной женщиной, а через неделю к другой переехал» (девушка, «русская с татарскими корнями», 23 г., отец русский, мать татарка).*

Отметим, что в ходе исследования было выявлено, что две женщины-респондентки крайне болезненно восприняли обряд никах, запланированный без их ведома и согласия, как нарушение права на свободу совести и вторжение в личное пространство. В первом случае, в ответ на вопрос интервьюера, проводился ли религиозный брачный обряд и почему, респондентка сказала: *«Такой вопрос спрашиваете, очень тяжелый. Потому что я всю жизнь думаю над ним. Я вообще раньше никакой веры не признавала, нету Бога и все. Поэтому даже никах я в штыки восприняла. Я не хотела туда идти, когда мне муж сказал. Я уже развернулась и назад. Я говорю «раз будете никах читать, тогда мы пойдем в церковь венчаться». Вот тогда у меня этот вопрос возник, почему так? Можно было просто типа свадьбу провести» (ж., русская, 49 л., муж башкир).* Другая история: *«Я бы не сказала, что я согласилась (на обряды имянаречения и никаха), потому что меня поставили перед фактом уже в процессе, когда мы после ЗАГСа ехали, мать (мужа) настояла, чтобы мы просто заехали в мечеть. А уж, когда мы туда заехали, я даже не поняла, что был обряд, поскольку традиций я вообще не знаю никаких, и мне это было крайне неприятно, дело чуть не дошло до скандала и, ну, чтобы не портить свадьбу, я уже просто «на горло собственной песне наступила» и перетерпела, скажем, так» (ж., русская, 47 л., муж казах).*

Если говорить о праздниках, то большинство опрошенных фиксировали, что в их семье соблюдается ряд религиозных праздников, прежде всего Пасха, Курбан-байрам и, несколько реже, Ураза-байрам и Рождество. Во многих семьях отмечают праздники обеих конфессий, христианства и ислама: *«Пасху отмечаем, Рождество, Курбан байрам, Ураза байрам» (ж., русская, 32 г., муж татарин); «На праздник Курбан байрам, например, мы стол готовим. Что-то вкусное готовим. На Курбан байрам он (муж) печет бэлиш. Это у нас традиция. Причем он научился это делать так здорово, лучше, чем его мама. Он готовит, мы зовем родителей и тех, и других, они общаются, они у нас ровесники, им весело, хорошо. На Пасху мы можем с мужем поехать куда-то в храм, он нас с дочкой отвезет, постоит на службе» (ж., русская, 47 л., муж башкир); «У нас свекровь собирает (семью). Режет барашика, готовит бешибармак, всех собирает родственников. Пасху все...отмечают все, все. Ходят все по домам, ко всем заходят, у нас здесь так принято. И к русским, и к башкирам. У нас вообще все дети ждут, когда мы будем яйца красить. Сейчас они уже повзрослели, а раньше маленькие были, так они с удовольствием и в разные цвета окунали, и разукрашивали. Это у нас целая традиция. Муж всем сам раздает эти цветные яйца (смеется). Поэтому Пасху мы всегда...» (ж., русская, 49 л., муж башкир).*

Подобная многовекторность, на наш взгляд, свидетельствует о невысоком уровне религиозного сознания как результат процесса секуляризации. Вследствие этого религиозные праздники воспринимаются просто как народные, семейные традиции: *«Яйца красим на Пасху, куличи не печем, но покупаем. Вот только в этом плане, что как бы традиции кулинарные. На Курбан-байрам что-то новое надо надеть всем. Вот в таком плане, просто на бытовом уровне, не в плане религии. Это семейная традиция, не религиозная»* (ж., русская, 40 л., муж татарин). К тому же праздник – это повод позвать гостей, встретиться с родственниками, друзьями, да и просто дополнительный выходной день: *«Это выходной как минимум. Мы оба загружены работой, выходной – это для нас такое счастье. Мне кажется, что если был любой другой праздник... Т.е. к самому празднику спокойно относимся. Есть такой праздник в республике – мы рады»* (ж., русская, 47 л., муж башкир).

О невысоком уровне религиозного сознания свидетельствует также обрывочность, нерегулярность исполнения других религиозных обрядов. Респонденты чаще всего фиксируют обряды, связанные с важнейшими событиями в жизни человека: рождение ребенка (обряды крещения, имянаречения), смерть (обряды похоронные и поминальные). При этом в качестве мотивации совершения фиксируется необходимость соблюдения традиций, а в отдельных случаях – проявляющееся на подсознательном уровне стремление обрести защиту со стороны сверхъестественных сил. Показательны в этом случае истории семей, когда, например, крещение ребенка производилось в ситуации тяжелого заболевания и угрозы для жизни: *«Когда родился у нас Темыч... (четвертый ребенок). Получилось так, что я чуть не остался без ребенка и без нее (жены). Тогда теща ко мне подошла и говорит... А я до этого не крестил детей. Просто не хотел обижать тещу, не хотел обижать кого-то, я просто не крестил. Теща говорит: «Давай, Владлен, раз такое дело, или в ислам примем детей, или по-православному ты покрести. Надо что-то делать, чтобы святые помогли». Тогда я взял местного муллу, отвез к церковному пастырю. Говорю: «Вот смотрите, моя жена мусульманка, я православный. Я веру менять не буду на том основании, что я мужчина. Но как мне сейчас крестить детей, чтобы не обидеть никого из родственников жены и своих родственников?» Чтобы мне потом не говорили: «Ты сделал неправильно!». Они долго разговаривали между собой и пришли к выводу, что женищина должна идти за мужем. Мулла вышел и говорит: «По Корану жена должна идти за мужем вслед». И так крестили детей. Когда мы крестили Артемку, она (жена) изъявила желание самой покреститься. Тут же нашли крестную – бабушку с улицы, которая пришла просто помолиться. Так она (жена) приняла крещение»* (м., русский, 47 л., жена башкирка). Интересно, что эта семья, где муж – русский, а жена – башкирка, ранее проводила церемонию никаха (обряд бракосочетания по мусульманскому образцу).



Говоря о своем отношении к Богу, вере, многие респонденты отмечают примерно следующее: поколение их родителей, воспитанное в условиях активного атеизма, даже при наличии некоторых представлений о сверхъестественном, не имеет, либо имеет весьма поверхностные представления о религиозной атрибутике, обрядах: *«Мои родители... они верующие, только они обрядов не знают, в церковь не ходят. Его родители не ходят, они ни в мечеть, никуда не ходят»* (ж., русская, 47 л., муж башкир). Соответственно, в этом отношении, они мало что смогли передать своим детям.

Сами респонденты также отмечают фрагментарность религиозных представлений и еще менее выраженное желание на регулярной основе соблюдать религиозные обряды: намаз по пять раз в день не читают, в мечеть каждую пятницу не ходят, церковь посещают иногда, в качестве молитвы произносят не аяты или «Отче наш», а просто какие-то личные обращения: *«Я уважаю верующих, но сама не являюсь глубоко верующим человеком. Рядом со мной никогда не было верующих, знающих людей, которые бы научили меня этим обычаям, традициям»* (ж., белоруска, 64 г., муж татарин); *«У меня такое отношение к религии, если говорить о каких-то религиозных обычаях, для меня Бог един. Я не разграничиваю четко отдельно: мусульмане, мечеть и аллах, и отдельно православные, церковь и батюшка. Я считаю, что все равно все единое»* (ж, русская, 32 г., муж татарин).

Однако сегодня уже формируется другой тип семьи - живущей по канонам мусульманской религии. В нашем исследовании оказалась одна такая семья (жена – башкирка, муж – азербайджанец). В этом случае сказалось влияние родительских семей обоих супругов, длительный период обучения одного будущего супруга и работы другого супруга в Саудовской Аравии. В этой семье ежедневно соблюдаются мусульманские обряды, женщина носит мусульманские одежды. При этом члены семьи хорошо образованы, вербально демонстрируют доброжелательность к иному образу жизни, обычаям, традициям.

В отдельных случаях встреча с ревностным исполнением религиозной обрядности даже может вызвать у человека негативную реакцию. Как отметила одна из опрошенных, рассказывая о муже-мусульманине, которому приходилось работать в ортодоксальных исламских странах: *«Он работает в Кувейте, в Катаре и его бесит вот эта крайняя степень мусульманства, которую он там видит. Он не приемлет это моление 6 раз в день, не приемлет вот этих резких проявлений мусульманства. Его это раздражает, причем до такой степени, что он даже в определенные периоды хотел от этого избавиться, потому что там очень сильное... И когда приезжаешь (работать) в праздники, например, там спрос с тебя вообще двойной, тройной. Положено не пить (воду), значит – не пьешь, даже работая на буровой в 70 градусов жары и, главное, что это все показное, .....Он объяснил вот этим катарцам, кувейтцам, что у нас, мол, немного другой ислам в России, не такой жесткий и у меня немножко другие традиции, я буду делать так, как я считаю нужным и оставьте меня в покое»*

*вот с этими своими заморочками. И после этого, когда они поняли, что у него немножко другой ислам, они стали все к нему приходить и тайно пить (воду)» (ж., русская, 47 л., муж казах).*

Что касается национальных обычаев и традиций, не имеющих ярко выраженного религиозного «окраса», о них опрошенные упоминали редко. Очевидно, что сегодня национальные традиции размываются и все меньше остается людей, которые знают, понимают смысл и соблюдают их. В ходе нашего исследования в основном упоминались элементы свадебной и поминальной обрядности. Вспоминая свою свадьбу, одна из опрошенных отмечала: *«И килен - невесту встречали на подушке, мед дают, все учтено было. Три дня праздновали, блины испекли. Например, как появился новый человек, маленькие девочки с блинами к нам приходят. ...И с коромыслом мы за водой ходили. Очень много народу было, танцевали, пели, очень хорошая свадьба была. Мне кажется, что все, все, все учитывали. Сундук со стороны мужа привезли вечером. И мое приданое. И это мы продавали. У меня же самый маленький близкий племянник должен был продавать и получать эти деньги. И вот ведра же я сама должна принести в дом жениха, где я должна была остаться. Эти ведра моя мама наполнила зерном пшеницы и ее сыпали прямо во двор, чтобы я тут оставалась, чтобы вместе хорошо жили, чтобы было изобилие, мир и покой» (ж., башкирка, 47 л., муж татарин).*

**Выводы и вопросы для дальнейших исследований.** Проведенное исследование показало, что с точки зрения реализации в межнациональном браке вероятностных моделей адаптации супругов, распределение респондентов является следующим: модель *насаждения культуры одного из супругов при игнорировании паттернов культуры второго супруга* не была зафиксирована; также не были выявлены респонденты, демонстрирующие *модель отказа от своей культуры при полном включении в культуру супруга*. Наибольшее распространение получила *модель частичной интеграции*, принятия отдельных образцов, ценностей со стороны одного или обоих супругов в отношении культуры брачного партнера (22 респондента). Кроме того, 3 респондента демонстрировали *модель отказа от акцентуации межэтнических различий* в семейной жизни на основе применения некой универсальной нормативно-ценностной системы.

Таким образом, в большинстве супружеских пар складывается эгалитарная модель адаптивного партнерства, сопровождаемая интеграцией, принятием отдельных культурных ценностей и традиций супруга. В этих семьях зачастую решения по разным областям жизни принимаются совместно. Супруги признают, что необходимо договариваться, идти на определенные уступки ради друг друга во многих вопросах, в том числе, следования в семейной жизни национальным традициям и обычаям, использования языка, вероисповедания. При этом реализация данной модели может осуществляться в нескольких вариациях:

- если этническая идентичность одного или обоих супругов носит номинальный (индифферентный) характер (при выраженности когнитивного компонента слабо проявляется / не проявляется аффективный компонент идентификации), люди выражают стремление и готовность к заимствованию внешних атрибутов (формы) обрядовых традиций иной культуры, когда соблюдение обряда – дань уважения супругу, а особенно его родителям и родственникам;
- если культуры супругов связывает общность исторического происхождения и развития, а идентичность формируется по типу нормы, проявляется стремление к развитию когнитивного и деятельностного компонента этноидентификации (освоение языка другой культуры, познание основ религии, соблюдение и трансляции обычаев и традиций последующим поколениям);
- если культуры супругов не связывает общность исторического происхождения и развития, но идентичность формируется по типу нормы, проявляется стремление к развитию деятельностного компонента этноидентификации (лабильность повседневно-бытового поведения в зависимости от контекста коммуникации: в каких-то жизненных ситуациях человек соблюдает традиции своего народа, но если это не удобно, кажется не вполне уместным, от них можно и отказаться).

Достаточно широкая и глубокая этнокультурная интеграция, как правило, обусловлена общностью религиозных оснований культуры. В нашем исследовании таким основанием выступила культура ислама. Если религиозные нормы для обоих супругов выступают ключевым регулятором социального поведения, это содействует компромиссам в повседневно-бытовом взаимодействии.

Также отметим, что модель отказа от акцентуации межэтнических различий на основе универсализации нормативно-ценностных оснований проявляется в следующих случаях:

- если идентичность формируется по типу этнонигилизма, человек выражает нежелание поддерживать собственные или иные этнокультурные ценности, поскольку в прошлом сталкивался с проблемами, обусловленными этнокультурной дифференциацией (запрет на заключение брака, распад семьи, неприятие со стороны родственников);
- если идентичность формируется по типу космополитизма, человек ощущает себя «гражданином мира», а этнические и социокультурные различия воспринимает в качестве барьеров, препятствующих/осложняющих общение;
- если этническая идентичность множественная, человек ощущает сильное влияние культуры межнационального общения (например, русской).

На процесс адаптации в межэтнических браках большое влияние оказывает уровень этнокультурной дистанции между супругами, их межкультурные различия. Чем меньше проявляются эти различия, тем выше уровень лояльности, принятия особенностей и моделей поведения друг друга.

В Башкортостане сокращение этнокультурной дистанции и возможность интеграции между этносами обеспечивается, прежде всего, ослаблением роли и размыванием национальных и религиозных традиций, а также практик отказа (частичного отказа) семей от национальной компоненты в повседневных бытовых коммуникациях. Однако названные практики отличаются, прежде всего, межнациональные семьи с большим стажем супружеских отношений; людей в возрасте старше 40 лет, формирование основ ценностей и моделей поведения которых происходило в поздний советский период, когда еще продвигались ценности интернационализма, межнациональной дружбы и сотрудничества между народами. В силу основной задачи всего исследования, в рамках которого были проведены качественные интервью с супругами – выявление особенностей этнокультурной социализации детей в межэтнических семьях (из-за чего отбирались семьи с детьми в возрасте 16-23 года), в нашей выборке значительно представлены супруги именно этой возрастной группы. Вероятно, что представители более молодых поколений, становление которых происходило в условиях актуализации этнических и религиозных оснований идентификации и дифференциации, роста межнациональной напряженности и конфликтов, могут демонстрировать и иные модели супружеской адаптации, что требует дальнейших исследований.

Дальнейшие исследования могут быть направлены и на выявление того, как меняются модели адаптации с течением жизни, во времени. Поскольку процессы идентификации осуществляются под влиянием объективных и субъективных факторов на протяжении жизни и контуры идентичности могут меняться, обозначенные вариации моделей адаптации не становятся константой для семьи; возможна смена вариаций и моделей.

### Список литературы

1. Лурье С.В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 122-148. DOI: [10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077)
2. Будаева Д.Ц. Межэтническое взаимодействие в условиях советской и постсоветской России (на примере национально-смешанных семей Бурятии) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 2а. С. 180-184.
3. Доржу З. Ю. Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. 2019, № 1. С. 144-156. [Электронный ресурс] URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/835> (дата обращения: 09.10.2022). DOI: 10.25178/nit.2019.1.11
4. Бичарова М.М. Интернациональная семья как микромодель фронта и проблема культурной безопасности // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 1. С.90-99.

5. Бабочкин П. Кросскультурные браки // Управление мегаполисом. 2008. № 3. С.54-58.
6. Макарова И.А. Межнациональные браки в современных условиях: особенности, факторы, мотивы формирования (на примере Забайкальского края). Дис. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. Чита, 2016. 168 с.
7. Воронина А.С. Трансформация социокультурных моделей взаимодействия в интернациональных семьях: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. СПб., 2009. 27 с.
8. Колударова С.В. Браки россиян с иностранцами и социальные риски // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 153-157.
9. Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях // Социологические исследования. 2013. № 10. С.88-97.
10. Багарян Р.А. Социально-психологические условия устойчивости межэтнического брака: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. Тамбов, 2009. 23 с.
11. Галяпина В.Н. Влияние принадлежности супругов к разным этносам на неудовлетворенность супружескими взаимоотношениями: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 2002. 27 с.
12. Троцук И.В., Парамонова А.Д. Приоритеты и стереотипы российской молодежи в сфере брачности (на примере национально-смешанных союзов) // Вестник РУДН. Серия Социология. 2015. Т. 15. № 3. С.45-62.
13. Верещагина А.В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3 (7). С. 47-59.
14. Miles, Spring C. Interethnic Marriages in the United States: An In-Depth Look at Marital Challenges, 2018. Senior Theses. 223. [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://scholarcommons.sc.edu/senior\\_theses/223](https://scholarcommons.sc.edu/senior_theses/223) (дата обращения 25.12.2020)].
15. Thakar, Dhara. Parenting Style Discrepancies: A Comparison of Inter-ethnic and Intra-ethnic Couples. Masters Theses 1911 - February 2014. 94. 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1134&context=theses> (дата обращения: 25.12.2020).
16. Naryono A., Wibisono B. Sensitive Language Behaviour as a Trigger of the Conflict within Interethnic Family in Tapal Kuda Regions // The International Journal of Social Sciences and Humanities Invention, 2018. №5(04). P. 4589-4594 (дата обращения: 20.11.2022).
17. Жигунова М.А., Коптяева Е.А. Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности// Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С.100-104. DOI 10.17223/19988613/43/21

18. Сороко Е. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С.96-123.

### References

1. Lurie S.V. *Mezhetnicheskie braki v sovremennom rossijskom nacional'nom scenari* [Interethnic marriages in the modern Russian national scenario] // *Peterburgskaya sociologiya segodnya*. 2018; 10, p. 122-148. DOI: [10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077) (In Russ).
2. Budaeva D.Ts. *Mezhetnicheskoe vzaimodejstvie v usloviyah sovetskoj i postsovetskoj Rossii (na primere nacionalno-smeshannyh semej Buryatii)* [Interethnic interaction in the conditions of Soviet and post-Soviet Russia (on the example of national-mixed families of Buryatia)] // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015; 2a, p.180-184 (In Russ).
3. Dorzhu Z.Yu. *Mezhetnicheskoe vzaimodejstvie russkih i tuvincev v sovetskoj i postsovetskoj Tuve (na primere nacionalno-smeshannyh semej)* [Interethnic interaction of Russians and Tuvans in Soviet and post-Soviet Tuva (on the example of national-mixed families)] // *Novye issledovaniya Tuvy*. 2019; 1, p.144-156 (In Russ).
4. Bicharova M.M. *Internacionalnaya semya kak mikromodel frontira i problema kulturnoj bezopasnosti* [International family as a micromodel of the frontier and the problem of cultural security] // *Zhurnal frontirnyh issledovanij*. 2016; 1, p.90-99 (In Russ).
5. Babochkin P. *Kroschkulturnye braki* [Cross-Cultural marriages] // *Upravlenie megapolisom*. 2008; 3, p.54-58 (In Russ).
6. Makarova I.A. *Mezhnacionalnye braki v sovremennyh usloviyah: osobennosti, faktory, motivy formirovaniya (na primere Zabajkalskogo kraja)* [Inter-ethnic marriages in modern conditions: features, factors, motives of formation (on the example of the Trans-Baikal territory)]. Dis. na soisk. uch. st. kand. sociol. nauk. Chita; 2016, 168 p. (In Russ).
7. Voronina A.S. *Transformaciya sociokulturnyh modelej vzaimodejstviya v internacionalnyh semyah* [Transformation of socio-cultural models of interaction in international families]: avtoref. dis. na soisk. uch. st. kand. sociol. nauk. Saint Petersburg; 2009, 27 p. (In Russ).
8. Koludarova S.V. *Braki rossiyan s inostrancami i socialnye riski* [Marriage of Russians with foreigners and social risks] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2015; 8, p.153-157 (In Russ).
9. Shakhbanova M.M. *Etnicheskaya identichnost malochislennyh dagestanskih narodov v sovremennyh usloviyah* [Ethnic identity of small Dagestani peoples in modern conditions] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2013; 10, p.88-97 (In Russ).
10. Bagaryan R.A. *Socialno-psihologicheskie usloviya ustojchivosti mezhetnicheskogo braka* [Socio-psychological conditions of stability of interethnic marriage]: avtoref. dis. na soisk. uch. st. kand. psihol. nauk. Tambov; 2009, 23 p. (In Russ).

11. Galyapina V.N. *Vliyanie prinadlezhnosti suprugov k raznym etnosam na neudovletvorennost supruzheskimi vzaimootnosheniyami* [Influence of belonging of spouses to different ethnic groups on dissatisfaction with marital relationships]: avtoref. dis. na soisk. uch. st. kand. psihol. nauk. Moscow; 2002, 27 p. (In Russ).
12. Trotsuk I.V., Paramonova A.D. *Prioritety i stereotipy rossijskoj molodezhi v sfere brachnosti (na primere nacionalno-smeshannyh soyuzov)* [Marriage priorities and patterns of the Russian youth (on the example of Mixed Marriages)] // *Vestnik RUDN. Seriya Sociologiya*. 2015; 15; 33, p.45-62 (In Russ).
13. Vereshchagina A.V. *Mezhetnicheskaya semya na Severnom Kavkaze v usloviyah novej rossijskoj civilizacionnoj realnosti* [Inter-Ethnic family in the Northern Caucasus in the conditions of Russia's new civilizational reality] // *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*. 2014; 3 (7), p.47-59 (In Russ).
14. Miles, Spring C. *Interethnic Marriages in the United States: An In-Depth Look at Marital Challenges*, 2018. Senior Theses. 223. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://scholarcommons.sc.edu/senior-theses/223> (date of application: 25.12.2020)].
15. Thakar, Dhara. *Parenting Style Discrepancies: A Comparison of Inter-ethnic and Intra-ethnic Couples*. Masters Theses 1911 - February 2014. 94. 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1134&context=theses> (date of application: 25.12.2020).
16. Haryono A., Wibisono B. *Sensitive Language Behaviour as a Trigger of the Conflict within Interethnic Family in Tapal Kuda Regions* // *The International Journal of Social Sciences and Humanities Invention*, 2018. №5(04). P. 4589-4594 (date of application: 20.11.2022).
17. Zhigunova M.A., Koptyaeva E.A. *Nacional'no-smeshannye braki kak variaciya etnokul'turnoj identichnosti* [National-mixed marriages as a variation of ethno-cultural identity] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2016; 5 (43), p.100-104. DOI 10.17223/19988613/43/21 (In Russ).
18. Soroko E. *Etnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossijskoj Federacii* [Ethnically mixed married couples in the Russian Federation] // *Demograficheskoe obozrenie*. 2014; 1; 4, p.96-123 (In Russ).

#### **Сведения об авторах**

**Бурханова Флюра Булатовна**, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук, профессор, г. 109544 г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д.9, стр.1  
РИНЦ AuthorID: 365515; ORCID Id: 0000-0002-7342-3974; Web of Science Researcher Id: AAV-2747-2020; Scopus Author Id: 569 408 00100.  
[burhanova.flura@mail.ru](mailto:burhanova.flura@mail.ru)

**Садретдинова Эвеллина Винеровна**, доцент кафедры социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», кандидат социологических наук, 450076 г. Уфа, ул. З. Валиди, 32  
РИНЦ AuthorID: 729969; ORCID Id: 0000-0003-1665-5370; Scopus Author Id: 57211398683, [golichev@mail.ru](mailto:golichev@mail.ru)

*Author's personal details*

**Burkhanova Flyura Bulatovna**, Chief Researcher of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor, 109544 Moscow, st. Bolshaya Andronievskaya, 9, building 1 RSCI AuthorID: 365515; ORCID Id: 0000-0002-7342-3974; Web of Science Researcher ID: AAV-2747-2020; Scopus Author Id: 569 408 00100. [burhanova.flura@mail.ru](mailto:burhanova.flura@mail.ru)

**Sadretdinova Evelina Vinerovna**, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, Candidate of Sociological Sciences, 450076 Ufa, st. Z. Validi, 32. RSCI AuthorID: 729969; ORCID Id: 0000-0003-1665-5370; Scopus Author Id: 57211398683, [golichev@mail.ru](mailto:golichev@mail.ru)

© Бурханова Ф.Б., Садретдинова Э.В.